

многие представители постсоветской «элиты» унаследовали все низкое в поведении от советской элиты и переняли все пошлое из-за рубежа, но, что еще хуже, они стали относиться к России, как территории для кормежки: деньги зарабатывают здесь, а живут в других государствах. Такого не могло быть в годину испытания от представителей дворянства имперского периода, как массового явления.

В Отечественную войну 1812 года прославился как военачальник не только Михаил Кутузов, но и Барклай-Де-Толли, Багратион – люди явно не русских корней, но считавшими Россию своей Родиной. В Храме Христа Спасителя в Москве на мраморных стенах занесены имена героев-офицеров, изгнавших Наполеона из России. Среди сотен русских фамилий – масса немецких. Они были российскими дворянами, и не бежали за рубеж при переходе войск Бонапарта через российскую границу. Они имели честь, достоинство, имели долг перед Отечеством, они его выполнили, проливая свою кровь за Россию.

Вот поэтому Михалков (и не только он) говорит о том, что в России необходимо суверенизация не только экономики, финансов, но и культурной и бизнес элиты. Многие из прилетавших в Россию для того, чтобы заработать здесь деньги, и улетающих на Запад к своим семьям, счетам и недвижимости, не пожелали ее защищать, когда настала такая пора. Культуру этот «интернационал» несет самого низкого пошиба, и патриотизма у него нет и на понюшку табака.

Такие у нас итоги в культуре на сегодня, если слегка сгустить краски.

Вернемся к нашим учителям, которые в Званном, как и везде в сельской местности, до революции, были выходцами из сословия священников. Это они, через церковь и школы, несли в сельскую глубинку ту самую культуру, которую веками копили в семьях, получавших образование в духовных семинариях и в епархиальных училищах.

После революции 1917 года из нескольких десятков сельских интеллигентов в Званном осталось несколько семей. Среди уцелевших были Курдюмовы и Савенко-Ивахненко. Кроме того, из семьи Мальцева до 50-х годов дожила Фелонила Александровна. Остальных уничтожила или разметала революция.

Образно о потере культурного слоя, о которой мы здесь говорим, сказано в финале романа Пастернака «Доктор Живаго», где красочно описывается дочь большого дореволюционного поэта,